
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Б. М. КОНДОРСКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ)

Часть первая*

В статье предложена революционная концепция исторического развития. В основе каждого основного этапа исторического развития лежали революции – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал дальнейшего развития. Каждый этап характеризовался определенным типом социального сознания и социального пространства. Рассмотрены особенности первого этапа исторического развития – ранней древности, в основе которой лежала неолитическая революция. Основным источником управляющей силы в это время были боги, а правители выполняли роль транслятора этой силы. Сделана попытка привести в систему социальные институты, которые были характерны для этого периода, такие как реципрокация, редистрибуция, вождество, мужской союз. Для ранней древности было характерно раннее государство, которое играло роль внешней оболочки вождества. Введено понятие Ойкумены как системного единства – социального и географического. Все технологические достижения неолита, появившиеся в Передней Азии, затем распространялись по территории Евразийской ойкумены вплоть до Китая. Дана характеристика специфики проявления основных структур и институ-

* **Для цитирования:** Кондорский, Б. М. 2023. Революционная концепция исторического развития (ранняя древность). Часть первая. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–36. DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.01.

For citation: Kondorsky, B. M. 2023. Revolutionary Concept of Historical Development (Early Antiquity). Part one. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 5–36 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.01.

Историческая психология и социология истории 2/2023 5–36
DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.01

тов ранней древности, помимо Передней Азии, в Египте, Греции, Китае, Тропической Африке, Америке.

Ключевые слова: революция, ранняя древность, реципрокация, реди-трибуция, мужской союз, вождество, раннее государство.

Введение

Использование сравнительного метода в исторических исследованиях (в широком смысле этого слова), в отличие от биологических, больше исключение, чем правило. Медиевист редко использует материал периода древности для понимания событий и явлений Средних веков. В свою очередь, специалисты по истории Древней Греции не так часто обращаются к событиям по аналогичному периоду соседнего Рима или Ближнего Востока, не говоря уже об Индии или – тем более – Китае. И наоборот.

Здесь полезно использовать категорию «архетип» в том понимании, в котором она используется в биологии. Каждый этап биологической эволюции характеризовался определенным архетипом организации, проявляющимся в определенной совокупности таксонов. Например, несмотря на внешние различия, кит и тигр имеют абсолютно один и тот же архетип маммальной организации, характеризующийся определенной совокупностью структур и признаков.

Основной задачей сравнительно-исторических исследований являются поиск под внешне различными социальными структурами в пределах отдельных регионов того, что их объединяет на определенном этапе исторического развития, выделение тех явлений, которые составляют основу данного архетипа. Отсюда следует, что основная задача историка – правильно определить положение того или иного социально-политического образования или явления в рамках основных этапов исторического развития.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. В процессе исторического развития можно выделить следующие революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формируют потенциал последующего развития. Они сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революция в первую очередь происходит «в голове»: один тип сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной органи-

зации приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип сознания.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и не получить – в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального пространства. Именно элита отвечает за формирование и поддержание структуры этого пространства. Основной целью всех революций было устранение носителей «старого сознания». Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем.

Неолитический этап исторического развития включал неолит, энеолит и бронзовый век. Наиболее характерными цивилизациями этого периода были месопотамская и древнеегипетская. Переходы между ранним и поздним неолитом, энеолитом и бронзовым веком не носили революционного характера. Все время сохранялся один и тот же архетип, сформированный еще в эпоху неолитической революции. Изменения касались в основном формы, а не содержания.

На данном этапе отсутствие личности в современном понимании (Мосс 1996: 8) способствовало формированию системы, в рамках которой источником управляющей силы являлись божества. Правитель выступал в качестве своеобразного транслятора, распределяя затем эту силу среди своих вельмож и чиновников (Кондорский 2013: 17). Только ее наличие позволяло принимать решения, осуществлять управление.

После архаических революций, которые имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и даже Китае, появляются социумы поздней древности, в основе которых лежали структуры полисного типа (Там же: 17, 21). В процессе архаической революции в Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. произошел исторический переворот, который коснулся всех сфер человеческой деятельности (Фролов 1988: 197). Это изменения в технологиях, связанные с принципиально новыми методами обработки железа, производства керамических изделий, строительства общественных зданий. Это развитие торговли, мореплавания, судостроения, которые практически полностью отсутствовали в пре-

дыдущий гомеровский период. Абсолютно то же самое происходило в это время в Китае в период Западной Чжоу.

Здесь революционные изменения в социальном сознании в первую очередь были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Народ уже заключает с богами договор, на основании которого получает управляющую силу в собственное пользование (Кондорский 2017г: 145). Римская община каждый год делегировала управляющий империй консулам и претору. В Китае договор получил форму «мандата Неба» (Васильев 1995: 126–127).

На первом этапе мы наблюдаем синкретическое единство всех составляющих социального пространства при доминировании хозяйственного аспекта (не путать с собственно экономическим). В Древнем Египте государство воспринималось как Дом, а фараон – как его хозяин (Перепелкин 2000: 94–95). После архаических революций Дом свертывается до ойкаса в Греции и фамилии в Риме. Отецская власть (*patria potestas*) главы семьи (*pater familias*) в Риме имела тот же архетип, что и власть фараона.

Однако политическое и социальное пока еще находились в синкретическом единстве. Качества политика оценивались на основе этических и моральных критериев (Утченко 1977: 65). Выделение политического в период гражданских войн и Империи носило отчужденный характер. Император как реальный источник политической воли воспринимался в качестве олицетворения римского народа.

Полное отделение военно-политического происходит уже во время феодальных революций, в первую очередь в Западной Европе. Отделенное, в отличие от отчужденного, имеет потенциал дальнейшего развития. Здесь наблюдалась наименьшая преемственность с предыдущим периодом. Общины, не имевшие уже ни варварского (племенного), ни латинского сознания, заключили общественный договор с корпорацией феодалов и передали ей свою «власть-собственность» (Кондорский 2017г: 147). Здесь имеется в виду органическое единство обеих категорий (Васильев 1982).

В дальнейшем, в процессе формирования национального государства, политическая власть отдельных феодалов концентрируется в особе короля. Появляется институт абсолютной монархии. Собственность остается у феодалов, которые в Новое время трансформируются в дворян.

В Древней Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, харак-

терные для феодальной формации (Кондорский 2017г: 156). Похожая картина наблюдалась в Западной Европе в период Меровингов и ранних Каролингов.

Феодальная революция имела место во второй половине XIII в., уже в рамках формирующегося Московского государства, и послужила основой его дальнейшего развития. Примерно на 300–400 лет позже, чем в Западной Европе (Кондорский 2019: 126).

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV в. обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции. Имела место более чем заметная преемственность с предыдущим периодом. Восточнославянские земли до конца XVI в. находились на «общинной» стадии развития и имели массу архаических пережитков с учетом наследия, полученного от Киевской Руси (Дворниченко 1995: 298–302). В дальнейшем это обусловило весьма специфический характер развития данных регионов.

Революции на всех этапах исторического развития (начиная с неолитической и заканчивая революциями Нового времени) имели единую основу, единый архетип. Здесь революции нужно понимать и воспринимать в виде революционного периода.

Например, все революции Нового времени следует рассматривать лишь как внешнее проявление внутренних процессов в рамках революционных периодов в отдельно взятых странах. Каждый революционный период представлял собой систему, имеющую свои законы (Кондорский 2017б: 669; 2017в: 74). При этом сроки начала революционного периода и характер его протекания определялись уровнем уже феодальных революций (Он же 2016: 158–159).

Во Франции революционный период закончился учреждением Третьей республики. В большинстве европейских стран он начался в середине XIX в. и закончился после Второй мировой войны. В России и других основных странах третьего мира революционный период ограничился рамками XX в.

Феодальный революционный период в России начался во второй половине XIII в. репрессиями со стороны Александра Невского и его сына по отношению к городским общинам Северо-Восточной Руси с помощью татар и закончился присоединением Новгорода и Пскова, последних реликтов Древней Руси, к молодому Московскому государству.

Именно в революционный период происходят процессы реорганизации, в результате которых появляются структуры, качест-

венно отличающиеся от предыдущих (Claessen, Van de Velde 1987; Claessen, Oosten 1996). Согласно нашей концепции, речь идет о смене одного архетипа организации другим.

Магистральный путь исторического развития носил характер своеобразных витков. Цивилизации поздней древности формировались на совершенно иной основе и не имели ничего общего с предыдущим периодом. То же самое характерно для феодального периода, особенно в Западной Европе. Заметная преемственность в Византии и Китае способствовала тому, что эти политические образования вскоре перешли в инерционный режим социального развития.

В экологических системах фундаментальным условием нормального протекания круговорота веществ является редукция произведенной биомассы. Именно этот «блок» выполняет управляющие функции.

В рамках социального пространства ранней древности мы имеем уже социальный круговорот. Появление избыточного продукта (не путать с прибавочным как экономической категорией) вызвало необходимость его утилизации. Формой утилизации явилось так называемое вождество (более подробно см.: Крадин 1995). То есть вождество появляется там, где есть избыточный продукт. Основным результатом утилизации являлись различного рода культовые сооружения и все те мероприятия, которые были связаны с их функционированием: например храмы, дворцы, те же пирамиды в Египте или Мезоамерике. У майя были случаи, когда построенные грандиозные объекты потом сразу же разрушались (Березкин 1991: 99).

В период поздней древности имела место уже утилизация свободного времени на основе появившегося классического рабства. В ранней древности этой категории не существовало. В классической Греции средством утилизации были храмы, агора, театры, гимнасий, общественные бани.

Каждому историческому этапу соответствует свой тип государства. То есть можно говорить о государстве первого этапа исторического развития, которое обычно называют ранним государством. Для него были характерны отдельные внешние признаки собственно государства, но отсутствовал заметный потенциал развития. Основные государства ранней древности, как правило, находились в состоянии перманентного кризиса. Все государства ранней древности не имели продолжения в период поздней древности (после

эпохи архаических революций) – за небольшим исключением в режиме инерционного периода.

Тип государства поздней древности принципиально отличался от такового в предыдущий период. Его основу составляли полисные структуры не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и даже Китае (Кондорский 2013). Основателями во всех случаях были пастушеские племена, которые не имели ничего общего с цивилизациями ранней древности.

В свою очередь, в рамках феодальной формации государственность имела свою специфику. Что касается государственных образований, предшествовавших феодальным революциям, то их лучше называть раннефеодальными. Не надо быть специалистом, чтобы видеть кардинальные различия Киевской Руси и соседней Византии.

В основе государства, помимо прочего, лежит контроль личного потенциала. Каждому историческому этапу соответствовал свой тип личности. Можно сказать, что каков тип личности, таков и тип государства.

В собственно феодальный период корпорация феодалов достаточно эффективно держала под контролем личностный потенциал крестьян, а короли всяческими способами пытались это сделать с личностным потенциалом уже самих феодалов. Впоследствии, в эпоху Возрождения, когда появляются города, состоящие из потенциально автономных личностей, возникает опасность разрушения всей европейской социально-политической системы. Личностями начинают осознавать себя даже крестьяне. Достаточно вспомнить Крестьянскую войну в Германии. Все это способствует появлению собственно государства – «etat», «staat» Нового времени, основной функцией которого является контроль личного потенциала на основе жестких законов. Тогда же появляется классическая инквизиция.

Когда дискуссия идет об основных принципах государственности, сначала желательно проводить сравнительный анализ внутри определенного этапа исторического развития, а потом уже между ними. Учитывать магистральный путь исторического развития и боковые, специализированные ветви. Нужно всегда помнить, что в рамках социальной эволюции мы имеем различные линии, различные пути развития (Классен 2000: 15; Hallpike 1986).

Неолитическая революция

В научной литературе причинами неолитической революции обычно называют природно-климатические изменения, хищниче-

скую охоту, рост народонаселения (Бадер 1989: 263; Мерперт 1984: 54–56; Шнирельман 1989: 18). И это при том, что присваивающее хозяйство было достаточно продуктивным. Бушмены добыванию пищи посвящают не более трех дней в неделю (Кабо 1986: 129). К тому же переход к производящему хозяйству не вызвал заметного улучшения жизни (Бадер 1989: 253).

Люди с присваивающим типом хозяйства входили в состав природных экосистем и должны были подчиняться законам этой системы. В частности, просматривается определяющая зависимость от природных условий. В разные сезоны (сухого или влажного характера) могли меняться хозяйственная деятельность, места расселения, тип жилища и характер пищи. Способность территории обеспечить пищей определенное число людей детерминирует и величину общины (Кабо 1986: 55, 142).

Что касается вышеуказанных причин, то факторы одной формы движения материи не могут быть причиной процессов в рамках другой формы движения материи. Несоциальные факторы не могут являться причиной социальных процессов и явлений (Кондорский 2014: 467). Соответственно, природные факторы не могут быть причиной гибели тех или иных цивилизаций, только факторами (Буровский 2018: 235–26).

В 11–9-м тыс. до н. э. в Леванте появляются натуфийцы. Будучи типичными охотниками и собирателями, жили они уже в стационарных поселках и имели ямы для хранения припасов семян однолетних трав, густые скопления которых были характерны для Сиропалестинского региона (Бадер 1989: 254; Лисицина 1984: 68; Шнирельман 1989: 37).

Начиная с 9-го тыс. до н. э. происходит стремительное развитие техники сооружения домов и зданий для общинных церемоний. В это время Иерихон уже окружала стена, которая защищала поселок от наводнений (Шнирельман 1989: 43–44).

Переход к неолиту в Сиропалестинском регионе ознаменовался появлением важных технических новшеств, связанных с домостроительством и использованием дерева. Появляются многочисленные орудия, необходимые для строительства: топоры, тесла, долота, клинья, которые мало в чем изменились до нашего времени. Все дома обмазывались известью, для изготовления которой нужны довольно высокие температуры. Люди того времени постоянно экспериментировали с воздействием огня на различные виды сырья (Там же: 54). Следует отметить, что освоение технологий высоких

температур в процессе изготовления извести – прямой путь к металлургии.

Мы считаем, что основные революционные изменения были связаны не столько с процессом выращивания культурных злаков и появлением одомашненного скота, сколько с появлением Дома (в широком смысле этого слова). Революционные изменения происходят в первую очередь в сознании. В процессе неолитической эволюции вместо природной экосистемы Миром человека становится жилище – Дом. Появляется «сознание Дома». В частности, переход к прямоугольным домам – одно из свидетельств растущей независимости человека от природы (Антонова 1984: 77). В последующем город и государство уже воспринимаются как Дом.

Вероятнее всего, в Леванте революционный период, когда произошли кардинальные изменения в сознании вышеуказанного характера, занял всего лишь несколько столетий.

Опять же, главное не появление различных орудий труда, главное – освоение технологий их изготовления и появление в сознании определенных фундаментальных идей: строительства домов, а не жилищ, выращивания, а не собирания злаковых культур, появления идей высоких температур, вращения, стандартизации. В плане технологий в период неолитической революции произошла своеобразная цепная реакция. Здесь мы имеем не только социальную, но и технологическую революцию, сопровождаемую вовлечением в хозяйственный оборот принципиально новых ресурсов (Гринин 2013: 104).

Вторым центром самостоятельного производящего хозяйства стали горы Загроса. Для 9–8-го тыс. до н. э. здесь характерно широкое распространение стационарных поселков. Наблюдалось большое разнообразие орудий, глиняной посуды. Земледелие появляется в Загросе в 8-м тыс. до н. э. В этот же период происходит domestикация коз и овец. Очень принципиальный момент. Практически сходит на нет изготовление микролитических орудий (Шнирельман 1989: 50–51). Как уже говорилось выше, во время революций происходит устранение старого сознания и всего того, что с ним связано.

Усложняется социальная организации. Имеет место постоянный обмен информацией и культурными достижениями. В 7-м тыс. до н. э. уже видны признаки общественной дифференциации. Появляются культ предков и статусные предметы в могилах (Там же: 55, 62, 71).

Формирование базисного неолитического комплекса в Передней Азии способствовало дальнейшему его распространению по территории Евразии. В 6–4-м тыс. до н. э. – на территорию Закавказья, Ирана, Средней Азии, Афганистана (Шнирельман 1989: 98).

Докерамический неолит в Греции появляется на рубеже 7–6-го тыс. до н. э. Хозяйственный комплекс был привнесён в Грецию извне, с Востока. Пришельцы резко отличались от местного мезолитического населения. Затем началось их распространение на север Балкан (Кольцов 1984: 73–75).

В Северной Югославии, Венгрии и Румынии в неолитической каменной технике 5-го тыс. до н. э. сохранились местные мезолитические традиции. В хозяйстве оставалась высокой роль охоты и рыболовства. В Южной Франции неолит появляется только в 4-м тыс. до н. э. В Италии и мезолит, и неолит существовали параллельно. На Севере Европы произошло смешение мезолитических и неолитических орудий, которые совместно использовались в течение длительного периода (Шнирельман 1989: 167, 173). То есть, в отличие от Ближнего Востока, здесь наблюдается заметная преемственность с периодом мезолита.

То же самое было характерно и для Индии. Жилища из камня в Северо-Западной Индии появляются уже в районе 5-го тыс. до н. э. Однако население пользовалось мезолитическими орудиями и занималось в основном охотой. Здесь просматривается влияние цивилизаций Ближнего Востока. В конце 3-го тыс. до н. э. появляются керамика и медные наконечники. Однако микролиты по-прежнему широко использовались (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 72, 86).

В Мезоамерике процесс формирования классического земледелия затянулся почти на 5 тыс. лет, с 7000 до 2000 лет до н. э. (Гуляев 1984: 89).

Социальное сознание

Мифологическое сознание – это мышление предметно-чувственное, характеризующееся слабым развитием абстрактных понятий. Древний человек Ближнего Востока все силы воспринимал как личностные. В основе причины лежала чья-то целенаправленная воля. Причина воспринималась как некая личностная сущность. В общественном сознании царило единомыслие. Человек мифологического мышления уверенно чувствовал себя в знакомой среде, поэтому дом и все, что его окружало, мало менялись в течение тысячелетий (Вейнберг 1986: 47–50; Кочакова 1983: 6).

Можно принять тезис, что причиной возникновения мифологического мировоззрения явилась неспособность первобытного человека выделить себя из окружающей природной среды (Байдаров 2015: 119), хотя это требует дальнейшего осмысления.

Когда некоторые исследователи говорят о фантастических представлениях человека о явлениях природы и общественных процессах (Антонова 1984: 24; Дандамаев 1989: 6), это не совсем корректно. Термин «фантастический» можно использовать только для современного периода. В данный период все, что касалось мифологии, для человека было абсолютной истиной, не вызывающей никакого сомнения. То, что люди делают по своему разумению без обращения к мифологической модели, относится к сфере мирского, а это деятельность пустая, иллюзорная (Элиаде 1994: 64).

У естественных народов индивид утрачивает свою личность (Мосс 1996: 8). Здесь правильнее говорить об отсутствии личности как таковой. В древневосточной словесности нет ни одной индивидуальности (Вейнберг 1986: 97). В ранней древности человек не ощущал себя личностью как источником воли и воспринимал богов как хозяев мира, в котором он живет, от воли которых зависит абсолютно все. То есть боги выступали в роли своеобразной элиты.

Отсутствие личности наблюдалось и у гомеровских греков. Источниками воли были боги, которые во всем, во всех поступках вели героев «Илиады» (Ярхо 1963).

Ограниченные возможности проявления свободы человеческой воли в Древнем Египте определяли свойственное древним египтянам восприятие мира и собственной жизни как чего-то стабильного, не подверженного изменениям и воспроизводящегося из поколения в поколение. Только боги были творцами истории (Вейнберг 1993: 245–246). Египетский фараон выступал в качестве посредника между богами и людьми (Франкфорт и др. 2001: 84).

Бог создает для людей владыку. Бог – космический источник царской власти. Отец фараона – бог солнца Ра. Царь выступает в качестве медиатора отношений людей и богов (Немировский 2009: 49). Царь в Месопотамии как ставленник богов, который отвечает перед богами за благополучие людей (Он же 2005: 101–103). В Месопотамии, в отличие от Египта, правитель лишь слуга богов. В Египте фараон все же имел божественное тело, был своеобразным бого-человеком (Зубов, Павлова 1995: 53).

В Месопотамии часто царю приписывается вызывающее ужас свечение (Оппенгейм 1990: 78). У майя царя считали наижарчай-

шим владыкой (Беляев, Пакин 2009: 128). Все это говорит о связи с солнечными божествами.

По существу везде сакральный правитель воспринимался как проводник, транслятор божественной силы и блага. Без этого было невозможно никакое управление, никакое благополучие народа. Верховный бог Ану отдает приказы устами царя (Франкфорт и др. 2001: 83). Боги предоставляли силу в пользование правителя (Немировский 2009: 54). Правитель был единственным посредником между двумя мирами (Довгялло 1968: 146). Если эта связь прерывалась, наступала анархия.

В Месопотамии исходящая от богов сила называлась *шимту* (Немировский 2005: 103). В Шумере мы имеем категорию МЕ как средство проявления жизненной силы (Емельянов 2001: 108). МЕ люди того времени воспринимали как право на власть, как внутреннюю энергию, силу (Он же 2009: 173).

Отсутствовало сознание вычлененности человека как личности. Это был весьма длительный процесс, который привел к определенным изменениям в сознании и появлению со временем восприятия человека как самостоятельной единицы. В царе Саргоне восхваляли его физические достоинства. В словесном портрете царя Дария I главное место занимает психико-этический образ его жизни, его нрав, желания (Вейнберг 1986: 93–97).

Социальное пространство

Для понимания характера и специфики социального пространства нужно рассмотреть ряд аспектов, характерных для неолитического периода. Следует отметить, что в период ранней древности социальное сознание человека было как бы «погружено» в социальное пространство и неотделимо от него. Поэтому все, о чем пойдет речь ниже, в полной мере может характеризовать специфику сознания человека того исторического периода.

Специфика восприятия пространства-времени культурой Ближнего Востока кардинально отличалась от классической греческой. Мифологическому мышлению пространство представлялось не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, имело «лоскутный» характер. Пространство должно обладать предметным наполнением. Если предметов нет, нет и пространства (Там же: 59–60).

Мир вещей был неотделим от мира людей. Имела место зависимость между статусом человека и количеством вещей, его окру-

жающих, слитность и нерасчлененность человека и вещи (Вейнберг 1986: 75–76). Человека и его имущество связывали глубокие личностные отношения. Имущество является своеобразным продолжением человека за пределами тела (Кочакова 1983: 49). Человек являлся органической частью предметного пространства именно посредством предметов. Престижные вещи определяли престижность его положения в обществе (Там же: 7). Вещи как часть человека наделялись жизнью (Антонова 1984: 27).

Слитное восприятие человека и вещи предполагает, что при обмене дарами часть сущности человека переходит к другому человеку. У индейцев только отказавшийся от богатства человек считался богатым и мог занимать руководящие должности. Обязательная раздача богатств и принятие даров воспринимались как должное, обязательное (Аверкиева 1961: 35).

Дарообмен обычно происходил на межобщинных празднествах. Всякая личная собственность обладает духовной властью. Подарок обязывает, через него человек приобретает магическую власть над получателем. В результате дарения образуется духовная связь. Пища, женщины, имущество, земля, труд, услуги, ранги составляют предмет передачи и возмещения (Мосс 1996).

Главное, что принятие дара означало признание своей зависимости (Кочакова 1995: 160). Важнейшим условием существования социального пространства является общение людей. Однако простое общение ни к чему не обязывает. Только дарообмен обуславливал долговременные обязательственные отношения между людьми.

Однородное вначале социальное пространство затем начинает структурироваться. Это относится и к пространствам, имеющим физическую, геологическую, биологическую основу. Основной структурной ячейкой социального пространства становится дом.

Как уже говорилось выше, по нашему мнению, важнейшим моментом неолитической революции явилось появление «сознания Дома», сознание элементарного социального Мира. Дом (именно дом, а не просто жилище) воспринимался как нечто сакральное. Прохождение через порог сопровождалось множеством обрядов. Именно на пороге делаются жертвоприношения божествам-хранителям (Элиаде 1994: 17).

Уже тогда в сознании архаического человека появляется понимание «дома» как части не только внешнего, но и внутреннего мира. Здесь Дом нужно рассматривать как модель отграниченного пространства. Однако замыкание человека, семьи в рамках своего

дома, своего домохозяйства отнюдь не способствовало формированию и поддержанию социального пространства. Следует обратить внимание, что социальное пространство является в своей основе функциональной, динамичной системой.

Еще в период собирательства появляются хранилища зерна (Шнирельман 1989: 37). Зерно, помимо источника физиологического существования человека, становится первичным источником такого социального понятия, как «благо». Мы считаем, что в научных исследованиях анализу этого понятия пока не уделяется должного внимания, хотя его следует отнести к самым фундаментальным социальным категориям. Боги как источники блага появляются позже. В период раннего неолита именно человек, а не сверхъестественные существа, наиболее естественный объект антропоморфных изображений (Антонова 1977: 81).

Централизованно хранящееся зерно нужно распределить среди членов общины. Отсюда начинается процесс социальной дифференциации. Следует обратить внимание, что распределение добычи в охотничьих сообществах не имеет длительных социальных последствий.

В распределении продуктов питания начинает доминировать социальный аспект. Появляется институт редистрибуции (Sahlins 1972), которая носит централизованный характер (Polanyi 1968: 253). Любая редистрибуция – любыми вещами, людьми, землей – есть распределение «блага» (в широком смысле этого слова). Если дарообмен (реципрокация) способствует формированию горизонтальных связей, то редистрибуция – уже вертикальных социальных связей.

Еще у ранних земледельцев коллективная трапеза была одним из главных обрядовых действий. Пища воспринималась как главное условие жизни. Ее раздел – как способ установления тесного союза, чреватого обоюдными обязательствами. То есть имеет место объединение на основе раздела (Антонова 1995: 21).

Здесь мы имеем элементы и реципрокации, и редистрибуции. Если человек ест сам, это чисто физиологический акт. Но в случае коллективной трапезы потребление пищи имеет уже далекоидущие социальные последствия. Обращает на себя внимание тот факт, что объединительный и разделительный аспекты находятся в синкретическом единстве.

Фундаментальной основой социального пространства является, как уже говорилось выше, утилизация избыточного продукта. Здесь

надо иметь в виду, что в период ранней древности на равных взаимодействуют биологическая (физиологическая) и социальная составляющие. В первом случае мы имеем жизнеобеспечивающий продукт (Семенов 1966: 22) и его распределение, во втором – избыточный продукт и его редистрибуцию. Именно избыточный продукт является основой внешнего управления.

Более чем важной вехой в развитии человечества было формирование сознания, что именно боги являются источником блага. Непосредственным фактором этого стало появление избыточного продукта. Не надо забывать, что в Двуречье урожаи достигали сам-50 (Блаватский 1967: 45). Базовое социальное сознание воспринимало только жизнеобеспечивающий продукт. Для архаического сознания появление избыточного продукта было чем-то вроде чуда, которое выходило за пределы традиционного сознания того времени и требовало соответствующего объяснения. Не исключено, что в основе появления богов в период раннего неолита лежал избыточный продукт.

Если поначалу наличие избыточного продукта определялось природными условиями, то в дальнейшем – уже социальными факторами. Китайский крестьянин, имевший не совсем благоприятные возможности для производства избыточного продукта, его регулярно производил. Ранние же земледельцы Тропической Африки, имевшие лучшие возможности для этого, тем не менее его нередко не производили или производили в ограниченных объемах (Коротав 1991: 143).

Еще в ранний период истории Двуречья глава совета старейшин общины назывался «главой колышка», который использовался для разметки участков земли. Глава совета был ответственным за общественное хранилище зерна в помещении храма (Антонова 1998: 122).

Ресурсной базой существования людей в этот период становятся хранилища зерна. Т-образные зернохранилища самаррской культуры напоминают позднейшие шумерские храмы. Власть концентрируется у жречества и храмов (Ковалев 2002: 46). Именно храмы как хранилища продуктов становятся материальной основой власти, ее источником. Именно храмы формируют сакральную основу мифологического пространства.

Храмам в их классическом исполнении предшествовали церемониальные центры, которые появились на Ближнем Востоке уже в 6–4-м тыс. до н. э. В них хранились продукты для потребления

во время ритуальных церемоний. Для социальных контактов люди должны были регулярно собираться в церемониальных центрах (Березкин 1997: 9–15). Именно посредством культового центра происходило овладение территорией, ее освящение (сакрализация), своеобразная космизация (Элиаде 1994: 28). В пределах своего Мира человек находится под защитой и покровительством местного божества. За его пределами господствует Хаос. Невозможно жить в Хаосе вследствие утраты связи с божествами (Там же: 29).

Уже в 5-м тыс. до н. э. появляются монументальные храмы как центры поселений (Чипирова 1988: 4). Города Южной Месопотамии возникли из общин-поселений, оформившихся вокруг храма. Храмы в этот период были и культовыми, и административными, и хозяйственными центрами. Все это говорит о том, что все три функции находились в синкретическом единстве. Производимые продукты централизованно собирались, хранились, а затем распределялись между членами общины (Козырева 2011: 18). Тот, кто этим занимался, доминировал в социуме. В период ранней древности базой социального возвышения служит не собственность, а право редиистрибуции (Васильев 1983: 21).

Создание храмов предшествовало созданию городов (Бондарь 2008: 86). Города образовывались путем сселения жителей в центр общих культов (Емельянов 2001: 61).

Отличительной чертой ранней древности был «центричный» аспект сознания. Каждый город располагался в центре мира. Центр – нечто в высшей степени сакральное. Древо жизни находится в центре (Элиаде 1998: 28–32).

Однако город «как центр мира» мог существовать, но не развиваться. Именно межполитийные сети храмовых общин Месопотамии в 3-м тыс. до н. э. (межсоциумное пространство) обеспечивали обмен информацией и технологический прогресс (Бондаренко и др. 2010: 130).

Как уже говорилось выше, для сознания ранней древности было характерно восприятие священного правителя как транслятора божественной силы и благодати. Здесь следует опять обратить внимание на синкретический характер обоих понятий. Благо – большие урожаи, высокий приплод скота, успешные войны – было неотделимо от организаторских и управленческих способностей правителя, в основе которых лежала та управленческая сила, энергия, которую он получал от богов и затем распределял среди своих подчиненных.

Полученную от богов «управленческую силу» правитель должен был распределить среди своего административного персонала

и чиновников на местах. То есть здесь речь идет о распределении власти между центром и периферией, своеобразной редистрибуции власти (Гринин 2006: 131–132).

Власть находилась в синкретическом единстве с социальным пространством и еще не была автономным феноменом. То же самое относится к собственности. Только в конце ранней древности происходит ее отчуждение (именно отчуждение, а не отделение). Поэтому в основе власти в данный период лежат институты, характерные для социального пространства в этот период: реципрокации, редистрибуции, потлача, священного царя.

В Передней Азии, в зоне наиболее прогрессивного развития в неолитический период, институт священного царя был не столь выражен, как в периферийных регионах. Мы считаем, что основным транслятором божественной энергии был сам город и храмово-дворцовый комплекс, расположенный в его центре (Долгий, Левинсон 1998: 28).

Архаический город характеризовался атрибутами, связанными с символикой центра и середины, и выступал как модель времени творения, как комплекс медиаторов, как модель космоса. Происходит окультуривание, очеловечивание пространства как момент доместикации мира, вначале хаотического, затем, в процессе строительства города, превращающегося в упорядоченный и подвластный человеку (Васильев 1998: 87–89).

Город можно представить в качестве контейнера и транслятора культурной информации. Город является моделью мифологического Космоса, который противостоит Хаосу. Хаос окружает город, начинается за его стенами. Стена – как граница двух миров. Храмово-дворцовый комплекс выступает как апогей сакральности, организующий городское пространство вокруг себя (Васильев 1998: 100–101). Являясь транслятором сакрального, город создает внутри себя защитное поле. Город в сознании древних воспринимался как субъект, преобразующий окружающую среду (Бондарь 2008: 132).

«Сакральный» обычно выступает в качестве синонима слова «священный». Однако *sacer* следует понимать как нечто требующее ритуальных запретов, окруженное ими. Сакральность – это сила, присущая богам и обладающая непредсказуемостью и мощью. Прямой контакт с этой силой может привести к не совсем положительным последствиям. Нужно иметь в виду, что значение *sacer* – не только «священный», но и «проклятый». Поэтому все субъекты и объекты, связанные с этой силой, нужно окружать

множеством ритуальных запретов, которые и задают понятие сакрального (Андреева и др. 2005: 5–6).

В основе возникновения понятия сакральной силы лежат природные явления типа потопа, наводнения, которые архаический человек в конечном итоге смог обуздать, усмирить. Этимология сакрального восходит к праиндоевропейскому *saq* – «ограждать», «защищать».

В Тропической Африке, Америке, Океании четко прослеживалась тенденция усиления различного рода запретов и табу в отношении священного вождя, что в итоге делало его символической фигурой. На Ближнем Востоке организованное правителями строительство городов, храмов, дворцов, обладание престижными вещами, соответствующий образ жизни делали их частью личности правителя, приближали его к богам. Набопаласар II соорудил сверхмогучую стену вокруг Вавилона, чтобы показать богам свое могущество. Здесь стена представлена как вещь, как часть сущности царя (Вейнберг 1986: 82).

Базовая основа социального пространства – это общение между людьми. Причем не просто представителями конкретных общин с соответствующим типом сознания, а отдельными индивидуумами. Исключительно важную роль в этом играли различного рода ритуальные действия, жертвоприношения, праздники, сопровождаемые пиршествами. С одной стороны, они обеспечивали связь с богами, а с другой – способствовали обмену информацией. Ритуал способствует общению и имеет цель избежать борьбы внутри социума (Евзлин 1993: 204).

Существование богов зависит от жертвоприношений (Там же: 127). Отсутствие подходящих жертвоприношений может привести к ослаблению богов как источников блага и управляющей силы.

Каждый обряд следует божественному образцу, архетипу. Так делали боги, так делают люди. Тот, кто воспроизводит действие-архетип, переносится в мифологическое время, где оно впервые случилось. Праздник означает уничтожение истекшего времени и восстановление первичного хаоса, а затем повторение космогонического акта (Элиаде 1998: 58–59, 92). Именно обряд, ритуал, оживляя мифологическое прошлое, сообщает подлинное бытие событиям человеческой жизни (Антонова 1984: 190). Все общественные мероприятия сопровождалось жертвенными трапезами (Бондарь 2008: 181). Ритуальный характер носили сельскохозяйственные ра-

боты (Элиаде 1994: 64) и ремесленная деятельность (Антонова 1984: 189).

Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной (хозяйственной) деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер. Обрядностью были охвачены все формы трудовой деятельности (Иорданский 1982: 165).

В период ранней древности социальное пространство имело циклический характер. Регулярно во время праздника Нового года происходило возрождение царя как условие плодородия страны и благополучия его населения (Вейнберг 1986: 57), воспроизводство его власти (Довгялло 1980: 89). Праздник Нового года определял судьбу царя, народа, страны (Вейнберг 1993: 216).

В рамках социального пространства должен поддерживаться порядок. Со временем эту функцию берет на себя собственно государство. Однако в период ранней древности порядок воспринимался как нечто естественное, не требующее какого-либо внешнего воздействия. Алтари богов приведены в порядок, в очаге возгорелись дрова, овца вошла в стойло, мать заботится о своем ребенке, боги заботятся о царе (Евзлин 1993: 108).

Биллуда в Шумере – это господство, порядок, установленный богом на его территории. Он включает храмовые ритуалы, жертвоприношения. Каждая вещь имеет свое место (Емельянов 2001: 109). Боги отвечали за порядок в стране. Господство богов являлось условием порядка. Человек мог существовать только в системе определенного порядка (Довгялло 1980: 62).

В Египте базовым понятием, обеспечивающим порядок в обществе, было *маат*, категория, очень сложная для современного понимания. Маат – это правильная взаимосвязь всех явлений. Без маат распалась бы связь времен. Порядок в государстве обеспечивает производство зерна и разведение скота, которые являются основными продуктами для жертвоприношений. Все боги любят порядок, так как он обеспечивает их существование (Демидчик 2005: 22–23).

Маат передает идею разумного порядка, охватывающего мир людей, вещей, природы и космических явлений. Там, где маат, царят изобилие, порядок, справедливость. Отсутствие маат означает нищету, несправедливость, разруху. Жизнь теряет всякий смысл (Ассман 1999: 19)

Здесь мы имеем дело с логикой, которая буквально пронизывает сознание людей ранней древности. Существование богов зависит от жертвоприношений (Евзлин 1993: 75). Их отсутствие или уменьшение может привести к ослаблению богов как источников блага и управляющей силы со всеми вытекающими отсюда последствиями для социума. Маат творит правитель, поэтому боги должны всячески о нем заботиться, а тот, в свою очередь, должен всячески умилостивлять богов.

Важнейшим условием поддержания порядка является забота о подданных, в первую очередь малоимущих. Царь – слуга народа. Забота царя о подданных рассматривалась как мироупорядочивающее проявление посреднических функций царя (Ассман 1999: 21; Вейнберг 1986: 129–130).

Община

Общину следует рассматривать как элементарную ячейку социального. Однако в рамках социального пространства она представляет собой своеобразный черный ящик. Если на уровне социального пространства мы имеем круговорот вещества, энергии, информации, то на уровне общины – обмен веществ, энергии, информации. Общину можно уподобить биологической клетке. В многоклеточном организме, имеющем свои органы, выполняющие определенные функции, клетки играют роль строительного материала. То же самое касается государства, которое можно уподобить многоклеточному организму. Так же как в биологической эволюции был период, когда формировалась клетка, в социальной эволюции был период формирования классической общины.

Община изначально эгалитарна. Есть вождь племени, но нет вождя общины. Совет старейшин является органической частью общины. Так же как клетка в рамках биологического организма неизменна в своей основе, традиционная община полностью консервативна. Внутри нее невозможно какое-либо прогрессивное развитие. В определенных условиях общины могут сохраняться неизменными в течение тысячелетий. В основе общины периода древности и русской классической общины лежит один и тот же архетип.

Фундаментальным законом общины является обеспечение всех ее членов всем необходимым для нормальной жизнедеятельности, но не более того. Обычно члены общины возделывали ровно столько земли, сколько требовалось для надежного обеспечения семьи на год (Гуляев 1979: 223).

Традиционное сообщество отрицает индивидуальность. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Его члены должны вести себя, «как все». Здесь отсутствует историческое сознание (Антонова 1984: 10).

Для общины характерны замкнутость и слабая мобильность, что резко отличает члена общины от горожанина. Общине свойственна ориентация на традицию, на воспроизведение опыта отцов (Вейнберг 1986: 36).

Царь не мог посягать на права самоуправяемой общины. Подобное вмешательство считалось немыслимым (Немировский 2009: 51; Циркин 2004: 265). Подобного рода практика сформировалась еще в первой половине 3-го тыс. до н. э. с появлением института лугалей (Дьяконов 1982: 58). Община была обязана царской власти повинностями и натуральными податями (чаще всего в форме десятины) (Он же 1949: 59; Шифман 1982: 250). Так же как законы биологической эволюции не оказывают какого-либо воздействия на базовую структуру и организацию клетки, законы социального развития на уровне социального пространства «не вмешиваются» во внутренние дела общины.

Значительный интерес в связи со сказанным представляет рассказ в I Книге Царей о попытке израильского царя Ахава овладеть виноградником израильтянина Навота. Хотя ему на обмен был предложен выгодный вариант, Навот категорически отказался, так как речь шла о наследстве предков (Шифман 1965: 36).

В рамках вождей их руководство практически не вмешивалось во внутренние дела отдельных общин. Можно даже постулировать принцип минимального вмешательства надобщинных структур в дела общины. В царской России государство оставляло решение всех внутренних проблем избранному руководству сельской общины. В Китае уездом, население которого могло составлять более ста тысяч человек, управляли всего лишь несколько государственных чиновников.

В период ранней древности земля общины должна была находиться под ее полным контролем и передаваться из поколения в поколение. В случае продажи земли стороннему лицу передача покупателю надела могла сопровождаться его усыновлением или принятием в братья продавца.

Стремление предохранить семейную собственность от раздела и передачи в другой род сопровождалось практикой усыновления

дочерей в случае отсутствия сыновей (Шифман 1982: 39; Янковская 1957: 28–29).

Основное отличие традиционной общины от гражданской заключается в том, что гражданскую общину можно рассматривать как коллектив, как совокупность отдельных индивидуумов.

Ойкумена

Социальное пространство как чисто социальный феномен существует в конкретных природно-географических условиях и образует с ними определенную систему – ойкумену, нечто, аналогичное ландшафтной системе.

Формирование ойкумены происходит путем освоения, очеловечивания географического пространства. Имеет место своеобразная доместикация мира (Васильев 1998: 89). Основным элементом ойкумены как системы являются потоки информации в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, престижными вещами), войн (по законам, которые принципиально отличаются от современных). Ойкумену здесь следует рассматривать как систему, имеющую свою совокупность законов, как пространство обмена и диффузии информации (Кондорский 2017а: 20).

В неолитический период существовала Евроазиатская ойкумена (включавшая и Северную Африку), в рамках которой шло последовательное распространение из центра (Передней Азии) основных технологических изобретений того времени. В рамках ойкумены как системы работает принцип регулярного распространения по ней нововведений (Васильев 1976: 290).

Процесс формирования ойкумены носил сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ, сначала появлялась пионерная ойкумена, которая начинала осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивалось появлением так называемой климаксной системы со сложной структурой.

Основные закономерности формирования ойкумены можно рассмотреть на примере Средиземноморья. Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании факторий (Яйленко 1990: 133). Рим сначала формирует в результате завоеваний Латинскую, затем Италийскую и, наконец, Средиземноморскую ойкумену в рамках Империи. Получается своеобразная «передача эстафеты». Тем более что на развитие Финикии определя-

ющее влияние оказали предшествующие цивилизации Передней Азии.

В Месопотамии имело место своеобразное перемещение политических центров с юга на север. Из Ура и Киша в Аккад, Вавилон и, наконец, Ашшур. В конце концов весь юг впал в состояние застоя, уступив политическую инициативу правителям северных городов (Оппенгейм 1990: 40). То есть можно говорить о своеобразной «миграции» гегемонии среди политических образований Месопотамской ойкумены (Гринин 2016: 64). Подобного рода явление, когда доминирование переходит к периферии, встречается в истории. Достаточно вспомнить Македонию в Греции, царство Цинь в Китае.

Характер «работы» ойкумены интересно будет проследить на примере Китая. Его в неолитический период следует рассматривать как неотъемлемую часть Евразийской ойкумены. Относительная природная изоляция в данный период этому мало мешала. Здесь действовал принцип сообщающихся сосудов.

Евразийская ойкумена, по существу, появилась еще в период раннего палеолита. Культура рубил архантропа в Китае (700–500 тыс. лет назад) уже испытывала определенное влияние с запада. Можно также говорить о связи китайского мезолита с переднеазиатским (Васильев 1995: 107, 126).

Речь идет в первую очередь о Северном Китае. Южная часть находилась под влиянием автономной ойкумены в рамках Юго-Восточной Азии. Небольшие размеры данной Ойкумены и фактор изоляции обусловили крайне специфический характер развития здесь неолита. Уже 10 тыс. лет назад у охотников и рыболовов мезолита здесь появились сосуды со шнуровым орнаментом. Культивировались корнеплоды и бобовые. Были одомашнены дикий кабан и некоторые виды птиц (Васильев 1995: 117).

Однако бассейн Хуанхэ однозначно находился в сфере влияния Евразийской ойкумены. Здесь за 5 тыс. лет до н. э. появляется культура Яншао. Данная культура была связана с сосудами расписной керамики (Васильев 1995: 119). Культура расписной керамики появляется сначала в Передней Азии (Там же: 116), а затем распространяется по территории Ойкумены, на севере – вплоть до нынешней территории Украины (трипольская культура).

Л. С. Васильев предполагает, что протояншанцы мигрировали в долину Хуанхэ через Гималаи и Тибет (Васильев 1976: 151, 185).

Следует учесть, что расписная керамика в Китае появилась в развитом виде.

В 3-м тыс. до н. э. на смену Яншао приходит культура Луншань. Появляется черная лощеная керамика, изготовленная на гончарном круге. Энеолитический комплекс данной культуры характеризовался наличием быка, барана, козла, пшеницы (Васильев 1976: 209–211; 1995: 132). Опять возникает вопрос о характере появления этого комплекса в долине Хуанхэ. Дело в том, что ни пшеница, ни домашний скот не имеют диких предков на территории Китая.

То же самое относится к технологии бронзового литья (Васильев 1995: 135) и появлению великолепных боевых колесниц (сходных с ближневосточными вплоть до деталей) (Он же 1974: 98). Бронза появляется здесь в готовом виде при отсутствии предшествующих этапов (Бромлей 1988: 66). Сходство касается даже таких частностей, как втульчатые топоры, наконечники копий, кинжалы, имеющие ближневосточное происхождение (Васильев 1974: 98; 1976: 270–273).

Делались попытки доказать, что луншаноиды самостоятельно освоили технологию бронзового литья (Васильев 1998: 69–72), хотя в наследство от этого периода нам достались только орудия труда, по-прежнему изготавливаемые из дерева, камня и кости (Илюшечкин 1986: 154).

Таким образом, несмотря на то что Китай находился на очень большом расстоянии от центра ойкумены, имел многочисленные географические препятствия на пути миграции, тем не менее он регулярно получал новые технологии, появляющиеся в Передней Азии. На рубеже 1-го тыс. до н. э. происходит отделение Китая, который в дальнейшем начинает развиваться самостоятельно. Появляется Кочевая ойкумена в рамках Великой степи. Самое интересное, что когда Китай стал самостоятельной ойкуменой, модернизация имеющихся технологий и орудий труда уже во второй половине 1-го тыс. до н. э. здесь пошла более быстрыми темпами, чем в античной Европе (Чубаров 1991: 116–118).

Исключительно важную роль в процессе распространения нововведений в рамках неолитического периода играл географический фактор, конфигурация данного региона, степень изоляции. Например, неолитическая революция в Египте имела место в 6–5-м тыс. до н. э., в Северном Судане – на рубеже 4–3-го тыс. до н. э. В то же время победа производящих форм хозяйства в Эфиопии затянулась до 1-го тыс. до н. э. А на юге Африки мезолит продолжался до при-

хода европейцев (Кобищанов 1982: 12). В Бенине начали использовать железо в первой половине 1-го тыс. н. э., а медь – только на рубеже 1–2-го тыс. н. э. Здесь так и не появился гончарный круг (Бондаренко 2001: 92).

Аналогичная ситуация имела место в Индии, которая только частично находилась в рамках Евроазиатской ойкумены. В Кашмире во второй половине 3-го тыс. до н. э. неолит носил примитивный характер, который характеризовался грубой керамикой и практическим отсутствием земледелия. В Раджастхане только в начале 2-го тыс. до н. э. начинают формироваться неолитические и энеолитические комплексы. Еще более архаичной была культура Центральной Индии. На юге по-прежнему доминировали охотники и рыболовы. И это при том, что в Белуджистане первые признаки докерамического неолита появляются уже в 7-м тыс. до н. э. (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 77).

Очень своеобразный характер в плане формирования неолита и его дальнейшего развития наблюдался в Центральноандском регионе. Начало неолитической революции здесь можно отнести к 4–3-му тыс. до н. э. В 4-м тыс. до н. э. начинается выращивание хлопка, в 3-м тыс. до н. э. – корнеплодов в Перу и Чили. Однако формирование полноценной пищевой базы завершается только на рубеже новой эры (Березкин 1991: 47–48). В Мезоамерике оседлые поселения, земледелие появляются в 3-м тыс. до н. э., а на юго-востоке США – только на рубеже 1–2-го тыс. н. э. (Гуляев 1972: 50).

Обращает на себя внимание тот факт, что в Мезоамерике на гончарном круге изготавливались только парадные сосуды еще в 1-м тыс. до н. э. Но сам гончарный круг не получил распространения и был забыт. То же самое касается появления технологии изготовления бронзы (Березкин 1991: 50–52). Американцам была знакома идея вращения, но колесо так и не получило практического распространения. То есть главное – не появление тех или иных изобретений, а потенциал их дальнейшего развития и распространения. Все это определяется, в конечном итоге, законами ойкумены.

Важнейшую роль в формировании и поддержании ойкумены играла торговля. Причем торговля, как правило, вещами престижного назначения. Например, Каниш в Северной Сирии поддерживал оживленные связи с более чем 120 населенными пунктами. Финикийский город Тир был связан почти со всей тогдашней ойкуменой от Черного моря до Египта и от атлантического побережья

Пиренейского полуострова до Южной Аравии. Для финикийцев были характерны динамизм, мобильность, восприимчивость к новому, к перемене мест (Вейнберг 1986: 33–34).

Представители хараппской цивилизации в период ее становления активно контактировали с цивилизациями Восточного Ирана, Афганистана, Средней Азии. Хараппцы восприняли все лучшее, что было достигнуто в более раннюю эпоху. Тесные контакты имели место между Месопотамией и Индией в XXIV–XXIII вв. до н. э. Найдены даже предметы, изготовленные на Крите (Альбедиль 1994: 92–93; Ильин, Дьяконов 1982: 173).

Однако в XIX–XVIII вв. до н. э. начинается кризис. Нарушаются связи и торговля городов между собой. В этот период приходят в упадок города цивилизаций, расположенные на территории современного Ирана, Афганистана и Средней Азии, по причинам весьма сходного характера (Альбедиль 1994: 26).

То есть в этот период мы наблюдаем кризис той ойкумены, куда входили вышеуказанные регионы. Здесь отсутствуют какие-либо внешние влияния типа нашествия варварских племен. Около 1200 г. до н. э. происходит довольно быстрая гибель цивилизаций бронзового века в Леванте, Анатолии, Греции. Кризис данной ойкумены спровоцировал массовые миграции в Средиземноморье так называемых «народов моря». Если достоверно установлено, что они полностью уничтожили Хеттскую державу, то попытки связать гибель крито-микенской цивилизации с нашествием дорийских племен ни к чему не привели. Между приходом дорийцев на Пелопоннес и гибелью микенских государств получается столетний разрыв (Андреев 2004: 18). Основную роль здесь сыграли внутренние факторы.

(Окончание следует.)

Литература

Аверкиева, Ю. П. 1961. *Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северной Америки*. М.: Наука.

Альбедиль, М. Ф. 1994. *Протоиндийская цивилизация*. М.: Вост. лит-ра.

Андреев, Ю. В. 2004. *Гомеровское общество: основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э.* СПб.: Нестор-История.

Андреева, Л. А., Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В., Немировский, А. А. 2005. Введение. В: Бондаренко, Д. М., Андреева, Л. А., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. 1. М.: ЦЦРИ РАН, с. 5–32.

Антонова, Е. В.

1977. *Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии*. М.: Наука.

1984. *Очерки культуры земледельцев Передней и Средней Азии*. М.: Наука.

1995. Обряды и верования первобытных земледельцев. В: Бонгард-Левин, Г. М. (ред.), *Религии Древнего Востока*. М.: Наука, с. 3–33.

1998. *Месопотамия на пути к первым государствам*. М.: Вост. лит-ра.

Ассман, Я. 1999. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. М.: Присцельс.

Бадер, Н. О. 1989. *Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии*. М.: Наука.

Байдаров, Е. У. 2015. Генезис и роль религии в глобально-эволюционном развитии социума. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (общ. ред.), *Эволюция: Мегаистория и глобальная эволюция: материалы симпозиума*. Волгоград: Учитель, с. 116–133.

Беляев, Д. Д., Пакин, А. В. 2009. Правитель и его подданные в государствах древних майя. В: Бондаренко, Д. М., Немировский, А. А. (отв. ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М.: ИА РАН, с. 123–151.

Березкин, Ю. Е.

1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

1997. Америка и Ближний Восток: формы социально-политической организации в догосударственную эпоху. *Вестник древней истории* 2: 3–23.

Блаватский, В. Д. (ред.). 1967. *Возникновение и развитие земледелия*. М.: Наука.

Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф. 1985. *Индия в древности*. М.: Вост. лит-ра.

Бондаренко, Д. М. 2001. *Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: ИА РАН.

Бондаренко, Д. М., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2010. Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы). В: Гри-

нин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (ред.), *Эволюция: Проблемы и дискуссии*. М.: Изд-во ЛКИ, с. 120–159.

Бондарь, С. В. 2008. *Ассирия. Город и человек (Ашишур III–I тыс. до н. э.)*. М.: Древлехранилище.

Бромлей, Ю. В. (ред.). 1988. *История первобытного общества. Эпоха классовообразования*. М.: Наука.

Буровский, А. М. 2018. О глобализме мировой истории. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: паттерны эволюции*. Волгоград: Учитель, с. 231–259.

Васильев, К. В. 1998. *Истоки китайской цивилизации*. М.: Вост. лит-ра.

Васильев, Л. С.

1974. Происхождение древнекитайской цивилизации. *Вопросы истории* 12: 86–102.

1976. *Проблема генезиса китайской цивилизации*. М.: Наука.

1982. *Феномен власти-собственности. Типы общественных отношений на Востоке*. М.: Наука, с. 60–99.

1983. *Проблема генезиса китайского государства*. М.: Наука.

1995. *Древний Китай*. Т. 1. М.: Вост. лит-ра.

Вейнберг, И. П.

1986. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. М.: Наука.

1993. *Рождение истории*. М.: Наука.

Гринин, Л. Е.

2006. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, с. 85–163.

2013. Технологический аспект социальной эволюции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Марков, А. В. (ред.), *Эволюция Земли, жизни, общества, разума*. Волгоград: Учитель, с. 98–166.

2016. Эволюция мирового порядка. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *Эволюция: Срезы, правила, прогнозы*. Волгоград: Учитель, с. 63–96.

Гуляев, В. И.

1972. *Древнейшие цивилизации Мезоамерики*. М.: Наука.

1979. *Города-государства майя*. М.: Наука.

1984. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике. *Краткие сообщения Института археологии* 180: 85–91.

1993. Скипетр и держава: К вопросу о царской власти у древних майя. *Вестник древней истории* 4: 45–60.

Дандамаев, М. М. (ред.). 1989. *Государство и социальные структуры на Древнем Востоке*. М.: Наука

Дворниченко, А. Ю. 1995. К проблеме восточнославянского политогенеза. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 294–318.

Демидчик, А. Е. 2005. *Безымянная пирамида: государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.: Алетейя.

Довгялло, Г. И.

1968. *К истории возникновения государства*. Минск: Изд-во БГУ.

1980. *Становление идеологии раннеклассового общества*. Минск: Изд-во БГУ.

Долгий, В. М., Левинсон, А. Г. 1971. Архаическая культура и город. *Вопросы философии* 7: 91–102.

Думан, Л. И. 1970. Внешнеполитические связи Древнего Китая и истоки даннической системы. В: Тихвинский, С. Л., Переломов Л. С. (отв. ред.), *Китай и соседи в древности и Средневековье*. М.: Наука, с. 13–36.

Дьяконов, И. М.

1949. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1982. Города-государства Шумера. *История древнего мира*. Кн. 1. *Ранняя древность*. М.: Наука, с. 50–64.

Евзлин, М. 1993. *Космогония и ритуал*. М.: Радикс.

Емельянов, В. В.

2001. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское востоковедение.

2009. *Шумерский календарный ритуал (Категория МЕ и весенние праздники)*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Зубов, А. Б., Павлова, О. И. 1995. Религиозные аспекты политической культуры Древнего Востока: образ царя. В: Бонгард-Левин, Г. М. (ред.), *Религии древнего Востока*. М.: Наука, с. 34–84.

Ильин, Г. Ф., Дьяконов, И. М. 1982. Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана. В: Дьяконов, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.), *История древнего мира*. Кн. 1. *Ранняя древность*. М.: Наука, с. 169–181.

Илюшечкин, В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука.

Иорданский, В. Б. 1982. *Хаос и гармония*. М.: Наука.

Кабо, В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Классен, Х. Дж. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, с. 6–23.

Кобищанов, Ю. М. 1982. *Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки*. М.: Наука.

Ковалев, А. А. 2002. *Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории*. М.: Изд-во РГГУ.

Козырева, Н. В. 2011. Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии. *Вестник древней истории* 3: 3–9.

Кольцов, Л. В. 1984. Некоторые аспекты мезолитической экономики лесной зоны Европы. *Краткие сообщения Института археологии* 180: 79–85.

Кондорский, Б. М.

2013. Архаическая революция в Древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). *Общество и государство в Китае* XLIII(2): 16–28.

2014. Некоторые философские, социально-исторические и сравнительно биологические аспекты основных категорий языка (взгляд со стороны). *Высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. VII Международная научная конференция*. Челябинск: Энциклопедия, с. 466–471.

2016. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода. *Россия – Китай: история и культура. IX Международная научно-практическая конференция*. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, с. 156–166.

2017а. Историческое развитие китайской ойкумены в древности. *Общество и государство в Китае* XLVII(1): 20–35.

2017б. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации. *Общество и государство в Китае* XLVII(2): 668–687.

2017в. Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Журнал региональной истории* 3: 73–91.

2017г. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси. *Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения*. М.: Древлехранилище, с. 143–157.

2019. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств. *История и современность* 3: 112–131.

Коротаев, А. В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. В: Коротаев, А. В., Чубаров, В. В. (ред.), *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, с. 136–191.

Кочакова, И. С.

1983. *Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время*. М.: Наука.

1995. *Размышления по поводу раннего государства. Ранние формы политической организации*. М.: Вост. лит-ра, с. 153–164.

Крадин, Н. Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 11–61.

Лисицина, Г. Н. 1984. Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии. *Краткие сообщения Института археологии* 180: 63–95.

Мерперт, Н. Я. 1984. Неолитическая революция на Ближнем Востоке. *Краткие сообщения Института археологии* 180: 53–60.

Мосс, М. 1996. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Вост. лит-ра.

Немировский, А. А.

2005. Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в Древней Месопотамии. В: Бондаренко, Д. М., Андреева, Л. А., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. 1. М.: ЦЦРИ РАН, с. 95–145.

2009. «Если царь с законоустановлением страны не считается...» Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире. В: Бондаренко, Д. М., Немировский, А. А. (отв. ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М.: ИА РАН, с. 44–78.

Оппенгейм, А. 1990. *Древняя Месопотамия*. М.: Наука.

Перепелкин, Ю. М. 2000. *История Древнего Египта*. СПб.: Летний сад.

Семенов, Ю. И. 1966. *Как возникло человечество*. М.: Наука.

Утченко, С. Л. 1977. *Политические учения Древнего Рима*. М.: Наука.

Франкфорт, Г., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. 2001. *В преддверии философии. Духовные изыскания древнего человека*. СПб.: Амфора.

Фролов, Э. Д. 1988. *Рождение греческого полиса*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Циркин, Ю. Б. 2004. *Финикийский мир и арамейские государства Сирии. Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра, с. 256–299.

Чипирова, Л. А. 1988. Земельные отношения в семейной общине по «Обелиску Маништушу». *Вестник древней истории* 2: 3–34.

Чубаров, В. В. 1991. Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире. В: Коротаев, А. В., Чубаров, В. В. (ред.), *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, с. 92–135.

Шифман, И. Ш.

1965. Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н. э. *Вестник древней истории* 4: 126–141.

1982. *Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н. э.)*. М.: Наука.

Шнирельман, В. А. 1989. *Возникновение производящего хозяйства*. М.: Наука.

Элиаде, М.

1994. *Священное и мирское*. М.: Изд-во МГУ.

1998. *Миф о вечном возвращении*. СПб.: Алетейя.

Яйленко, В. П. 1990. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.: Наука.

Янковская, Н. Б. 1957. Хурритская Аррапха. *Вестник древней истории* 1: 17–33.

Ярхо, В. Н. 1963. Проблема ответственности и внутренний мир гомеовского человека. *Вестник древней истории* 2: 46–64.

Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., Velde, P. van de. 1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.

Hallpike, C. R. 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press.

Polanyi, K. 1968. *Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of K. Polanyi*. New York: Anchor Books.

Sahlins, M. D. 1972. *Social Stratification in Polynesia*. London: University of Washington Press.